

В. А. Зверев

**«ЛЮБО – ТАК К ВЕНЦУ». БРАЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Опубликовано: Зверев, В. А. «Любо – так к венцу» : брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2005. – С. 7–17.

Постановка проблемы

Вопросы развития брака – одного из древнейших социальных и культурных институтов в истории человечества, имеющего ярко выраженную специфику у разных этнических, конфессиональных, региональных сообществ, всегда интересовали этнографов и историков. Брак у русских сибиряков, в первую очередь в его обычно-правовом и ритуально-обрядовом измерении, в меньшей степени – в историко-демографическом плане, является одним из объектов изучения в работах ряда современных специалистов – В. А. Липинской [1996], Н. А. Миненко и В. В. Рабцевич [1998], Л. Б. Герасимовой [2002], Л. А. Явновой [2002], Н. В. Никишиной [2004] и др. В последние годы защищены докторские диссертации А. Н. Сагайдачного и Ю. М. Гончарова, специально посвященные периоду второй половины XIX – начала XX в., вышли и соответствующие научные монографии [Сагайдачный, 2000; Гончаров, 2002]. Авторы, наряду с решением иных задач, стремились дать характеристику сферы брака и семьи (в том числе – интенсивности и возраста вступления в брак, брачного круга,

структуры населения по его брачному состоянию) соответственно в селениях и городах Западной Сибири.

Сильной стороной трудов А. Н. Сагайдачного и Ю. М. Гончарова является создание и обработка обширных компьютерных баз данных, основанных на обработке массовых первичных источников – подворных бланков переписей населения, церковных актов его учета. Забота о полноте и представительности созданных реляционных баз, использование их в комплексе с потенциалом вторичных, обобщенных статистических данных, в том числе опубликованных в изучаемый период, обеспечили Ю. М. Гончарову успех, закрепленный затем в совместном с В. А. Скубневским обобщающем труде об экономике и демографии западносибирских городов [Скубневский, Гончаров, 2003]. Богатая источниковедческая база работ барнаульского историка все же не стала исчерпывающей, к тому же его выводы нельзя распространить на всю огромную Сибирь – восточносибирские материалы автором не привлекались. Что касается А. Н. Сагайдачного, то значение его работ снижают недооценка автором вклада предшественников в рассмотрение избранной проблематики, малорепрезентативный выбор для изучения всего нескольких населенных пунктов (в основном – с. Викулово Тарского округа-уезда Тобольской губ.), а также игнорирование имеющихся обобщающих статистических материалов, которые якобы «для выявления демографических характеристик семьи и тем более для исследования демографических процессов ... как источники использоваться не могут» [Сагайдачный, 2000, с. 17]. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что «брачная» проблематика применительно к Сибири второй половины XIX – начала XX в. не исчерпана, она сохраняет свою привлекательность для специалистов.

Задача настоящей нашей статьи заключается в том, чтобы дать преимущественно количественную характеристику *интенсивности вступления в брак* у населения Сибири в ее исторической динамике, а также *состава брачавшихся по возрасту и семейному (брачному) положению* во второй половине XIX – начале XX в. Мы стремились выявить путем математических расчетов общие для всей Сибири количественные показатели брачности и дать их объяснительно-содержательный анализ. В то же время большинство установленных общесибирских показателей дифференцировано нами применительно к городскому и сельскому населению, к Западной и Восточной Сибири, к ряду губерний – с целью выявить особенные черты матримониальной ситуации в основных типах поселений и в субрегиональном разрезе.

Основную массу жителей Сибири составляли восточные славяне, преимущественно русские, поэтому практически все описываемые и объясняемые далее в нашей статье характеристики брачности можно смело считать присущими в первую очередь и главным образом *именно русскому населению, православному по своему вероисповеданию*. Источники дали нам возможность выявить специфику некоторых аспектов брачности в среде двух категорий христианского населения Сибири – приверженцев официальной Русской православной церкви и старообрядцев (к сожалению, без уточнения толков и согласий).

Сибирь рассматривается в данном случае как регион в административных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акимолинской и Забайкальской областей. В соответствии с поставленными задачами основным видом привлеченных нами к рассмотрению источников стали обобщающие статистические данные о суммарном количестве официально зарегистрированных браков и их распределении по отдельным

показателям (возраст и семейное положение брачившихся) в тех или иных сибирских губерниях и областях. В основе этих данных лежат *записи метрических книг*, которые велись во всех приходах Русской православной церкви, а также в соответствующих храмовых книгах других конфессиональных групп местного населения, у старообрядцев в некоторых случаях – в городских и волостных органах управления. Эти данные (наряду со сведениями о рождаемости и смертности) затем подсчитывались, и преобразованная информация уже в виде цифровых таблиц ежегодно направлялась в губернские и областные статистические комитеты, где проверялась и суммировалась. Начиная с 80–90-х гг. XIX в., обобщенные сведения о количестве браков регулярно публиковались в приложениях к «всеподданнейшим» отчетам глав губернских и областных администраций Сибири, подаваемых императору – в «Обзорах» соответствующих административных образований. Параллельно собранная в губерниях и областях статистическая информация о браках (наряду с данными о численности населения, рождаемости, смертности, заболеваемости и др.) поступала в Министерство внутренних дел, в его подразделениях – Центральном статистическом комитете, Главном управлении врачебного инспектора (с 1914 г. – Управление Главного врачебного инспектора) – частично корректировалась, анализировалась и затем использовалась для государственных нужд. В начале XX столетия информация о браках по трем сибирским губерниям – Тобольской, Енисейской и Иркутской – в виде сводных таблиц была напечатана в ежегодниках ЦСК «Статистика Российской империи» и дополнила регулярно публиковавшиеся в этом издании сведения по губерниям Европейской России. Указанная информация в основном относится к *православному населению*. В 1902–1903 гг. браки православных составляли 92,0 % всех учтенных браков в Тобольской губ.,

96,7 % – в Енисейской. В 1904 г. православная церковь венчала 97,3 % официально зарегистрированных браков в Енисейской и Иркутской губерниях.

Сохранявшаяся в губернских и окружных-уездных статистических органах информация иногда становилась объектом разработки со стороны энтузиастов из числа местной интеллигенции, в результате тоже появлялись публикации сводных количественных сведений о разных сторонах провинциальной жизни. В данном случае нами использована сводка данных о брачности православного населения Томской губ. за 11-летний период 1870–1880 гг., составленная и опубликованная учителем и издателем А. И. Ефимовым [Ефимов, 1890]. Православные составляли, по статистике 1879 г., 90,7 % жителей Притомья, поэтому выводы, сделанные на основе анализа данных Ефимова, можно распространять на все население губернии.

Масштабы и интенсивность брачности в исторической динамике

Среди измерителей процесса брачности наиболее распространенными в статистике и демографии являются *абсолютное количество* браков, заключенных населением данной территории за рассматриваемый период времени, и *общий коэффициент брачности*, показывающий частоту (интенсивность) вступления в брак во всем населении, независимо от возраста. Общий коэффициент высчитывается как помноженное на 1000 отношение числа браков на определенной территории к средней для изучаемого периода численности населения данной территории. Источники предоставляют нам сведения об абсолютном количестве браков, дают возможность высчитать общие коэффициенты брачности населения всех сибирских губерний и областей за многие годы конца XIX – начала XX в. В

данном случае возьмем во внимание время с 1897 по 1914 г., по которому в наших предыдущих работах рассчитаны показатели рождаемости, смертности и естественного прироста [Зверев, 1999, с. 130–153, и др.]. Сведения о числе браков мобилизованы нами из ежегодных «Обзоров» соответствующих губерний и областей (там в качестве одного из приложений обычно помещалась «ведомость» о движении народонаселения), а средняя за тот или иной год численность населения определена по аккумулированным данным врачебной инспекции МВД из ежегодных «Отчетов о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России».

В составленных нами таблицах 1–4 учтены полные (за все без исключения годы) данные об официально зарегистрированных браках в Енисейской и Иркутской губерниях – в городах, селениях и в целом по субрегионам – за весь длительный период 1897–1914 гг. По другим губерниям и областям Сибири имеющиеся источники не обладают столь исчерпывающей полнотой. В «Обзорах» Акмолинской обл. отсутствуют данные за 1905 г., по Тобольской губ. нет сведений за 1909 г. Обзоры Забайкальской обл. не содержат указаний о числе браков за 1909, а также за 1912–1914 гг. Томской губ. повезло меньше всех. В целом по этой губернии есть данные за время с 1897 по 1912 г. включительно, однако браки отдельно в городах и селениях выделены только применительно к 1909–1912 гг. Как видим, лакуны в статистической базе нашего исследования довольно существенны. Возможно, их можно было сократить путем поиска недостающих сведений в иных, в том числе архивных источниках, но неизбежно встал бы вопрос о том, насколько совместимы цифры, полученные и обработанные по разной методике различными учреждениями. К тому же проведенные нами пилотажные подсчеты показали, что исключение сведений по одной-двум губерниям за отдельные годы не сильно влияет на обобщающие, итоговые показатели по

большим регионам (Западная и Восточная Сибирь, Сибирь в целом) за 4–5-летние периоды. Поэтому мы сочли возможным использовать в настоящей работе неполную базу данных о количестве браков. Ее пополнение в будущем поможет скорректировать величину ряда коэффициентов, указанную в наших таблицах, но вряд ли исправления изменят генеральную картину выявленных нами матримониальных процессов в Сибири.

Перейдем к анализу помещенных в таблице 1 показателей брачности, характеризующих ситуацию в субрегионах Западной Сибири. Прежде всего обращает на себя внимание быстрый и достаточно последовательный *рост в изучаемое время общего количества свадеб*: с 1897 до 1913 г. в Тобольской губ. абсолютное число браков увеличилось в 1,4 раза, в Акмолинской обл. – в 2,4, в Томской губ. (до 1912 г.) – в 2,1 раза. Конечно, число браков зависит от численности населения, и можно сказать, что прирост абсолютного числа браков шел в основном по причине быстрого роста населения на интенсивно колонизовавшейся в эпоху капитализма восточной окраине России (самые заселяемые мигрантами районы располагались на Алтае, в Кулунде, Барабе и Омском Прииртышье). Недаром наибольший скачок числа браков пришелся в Западной Сибири на 1906–1911 гг. – время активного проведения правительством П. А. Столыпина поощрительной переселенческой политики.

Таблица 1

Количество браков, регистрировавшихся ежегодно в Западной Сибири конца XIX – начала XX в.*

Год	Томская губ.		Тобольская губ.		Акмолинская обл.	
	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1897	15 578	7,9	13 913	9,8	4797	7,2
1898	16 808	8,3	15 897	10,9	4398	6,1
1899	17 919	8,7	15 425	10,4	5710	7,6

1900	17 708	8,4	14 743	9,8	5227	7,0
1901	17 198	8,0	13 094	8,5	5356	6,8
1902	18 847	8,5	14 083	8,8	5627	6,5
1903	16 279	7,1	15 519	9,4	5307	6,0
1904	18 369	7,7	15 859	9,5	5951	6,9
1905	17 504	7,3	14 007	8,0
1906	26 847	10,8	19 615	11,0	9175	9,7
1907	26 196	9,9	18 593	10,6	9411	9,7
1908	30 423	10,4	16 031	9,0	8656	8,2
1909	29 803	9,1	8918	7,6
1910	30 025	8,2	17 910	9,3	11 728	8,8
1911	31 511	8,2	15 958	8,0	12 071	8,3
1912	32 612	8,3	14 725	7,1	11 374	7,7
1913	19 675	9,4	11 665	7,7
1914	17 696	8,4	10 797	7,0

* Подсчитано по: Обзор Акмолинской обл. за... [1897–1904, 1906–1914 гг.]. – Омск, 1898–1915; Обзор Тобольской губ. за... [1897–1908, 1910–1914 гг.]. – Тобольск, 1898–1909, 1912–1916; Обзор Томской губ. за... [1897–1912 гг.]. – Томск, 1898–1914; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. – СПб.; Пг., 1905–1916.

Таблица 1 показывает, что, несмотря на преобладававшую тенденцию к быстрому расширению масштабов брачности, имели место временные сокращения этих масштабов. Во всех субрегионах Западной Сибири зафиксировано уменьшение абсолютного числа свадеб в 1900–1901 гг. Это могло быть связано с двумя факторами: постигшим Зауралье массовым неурожаем (у крестьян не хватало денег на свадебные расходы) и дополнительным призывом молодых мужчин в армию во время вооруженных действий в Маньчжурии. Затем сокращение обнаруживается в 1905 г. – сказались призыв на Русско-японскую войну молодых мужчин и

революционные потрясения. Наконец, вступление России в Первую мировую войну привело к призыву в вооруженные силы более половины всех мужчин брачного возраста, и уже в 1914 г. мы видим новое абсолютное снижение брачной активности сибиряков.

Выявленные масштабы и закономерности динамики брачности в Западной Сибири становятся более очевидными, и обнаруживаются нюансы, если рассматривать не абсолютные, а относительные показатели, в данном случае – общие коэффициенты брачности (в них «снято» влияние численности населения). Отметим прежде всего, что выраженная в виде коэффициентов интенсивность брачности наибольшей была в Тобольской губ. (в среднем за период 1897–1914 гг. – 9,3 на каждую 1000 человек населения). Территория этой губернии являлась наиболее освоенной в Сибири, здесь сложилось устойчивое население с нормальной половозрастной структурой. Несколько меньше коэффициенты были в Томской губ. – 8,6 ‰ в среднем за 1897–1912 гг. А минимальные для Западной Сибири показатели выявились в Акимовской обл. – 7,6 ‰ за 1897–1914 гг.

Общие коэффициенты брачности показывают, что в целом довольно высокая «свадебная активность» жителей Западносибирской низменности не обнаруживала устойчивой тенденции ни к возрастанию, ни к уменьшению – она в изучаемый период заметно колебалась. Очевидны повсеместные сокращения в 1900–1901 гг., в 1905 г. (в Томской губ. – в 1903–1905 гг.), что можно считать одним из проявлений кризисного состояния общества накануне и в годы революции, в 1911–1912 гг. (из-за нового неурожая), в 1914 г. Но особенно впечатляет интенсификация брачности в первые годы Столыпинской аграрной реформы. В 1906–1909 гг. в Томской губ., в 1906–1910 гг. в Акимовской обл. общие коэффициенты брачности выросли по сравнению с предыдущими двумя-тремя годами почти на треть, в Тобольской

губ. в 1906–1910 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. – на 12 %. Такую динамику легко объяснить, во-первых, тем, что в 1906–1908 гг. состоялись свадьбы, временно отложенные в годы Русско-японской войны и революционных потрясений. Во-вторых, сыграла свою роль экономическая и демографическая специфика столыпинской миграционной волны: среда переселенцев была более молодой по составу, чем постоянное старожильческое население Сибири, домохозяева-переселенцы спешно женили своих «возросших» детей, чтобы увеличить количество получаемой в надел земли, приобрести еще пару рабочих рук для становящегося на ноги семейного хозяйства.

В Восточной Сибири динамика масштабов и интенсивности матримониальных процессов была во многом сходной с западной частью региона (табл. 2). Наблюдался тот же рост абсолютного количества браков во всех административных образованиях. Однако, поскольку общая численность населения в Восточной Сибири увеличивалась медленнее, чем в Западной (интенсивно здесь заселялся мигрантами только юг Приенисейского края), и масштабы брачности здесь расширялись медленнее. В период 1897–1913 гг. в Енисейской губ. число браков увеличилось в 2 раза, в Иркутской – в 1,2 раза. В Забайкалье с 1897 по 1911 г. оно выросло лишь в 1,1 раза. Абсолютные сокращения в отдельные годы здесь выражались слабее, чем в Западной Сибири: бросается в глаза только спад 1904 г., когда прошли массовые мобилизации потенциальных женихов на войну с японцами. Резкое возрастание показателей брачности и на востоке Сибири приходится на 1906–1910 гг., когда суммировались две волны интенсивной брачности – запоздалые браки, отложенные в 1904–1905 гг., и браки недавних молодых переселенцев. Общие коэффициенты брачности в 1906–1910 гг. в Енисейской и Иркутской губерниях превышали соответствующий средний показатель

пяти предыдущих лет на 15–18 %, такой же скачок произошел в Забайкальской обл.

Таблица 2

Количество браков, регистрировавшихся ежегодно в Восточной Сибири конца XIX – начала XX в.*

Год	Енисейская губ.		Иркутская губ.		Забайкальская обл.	
	абс.	‰	Абс.	‰	абс.	‰
1897	4165	7,5	4530	9,1	5674	8,8
1898	4276	7,6	4003	7,8	5223	7,9
1899	4297	7,5	3443	6,6	4640	6,9
1900	5006	8,6	3849	7,2	5182	7,6
1901	5255	8,8	4017	7,4	5146	7,3
1902	5293	8,3	4565	8,3	4721	6,6
1903	6431	9,2	4585	8,1	4782	6,9
1904	5496	7,6	4459	7,7	4357	5,8
1905	5557	7,7	4891	8,3	4768	6,0
1906	7607	10,2	6031	10,3	6686	8,4
1907	7715	10,0	6269	10,8	6920	8,2
1908	8119	10,1	4956	8,0	5796	6,8
1909	7861	9,0	5307	8,4
1910	8706	9,2	6696	10,9	5627	6,4
1911	8641	8,9	5895	9,2	6248	7,0
1912	8760	8,6	4574	6,8
1913	8808	8,0	5147	7,2
1914	8160	7,2	5244	7,1

* Подсчитано по: Обзор Забайкальской обл. за... [1897–1908, 1910–1911 гг.]. – Чита, 1898–1909, 1914–1915; Обзор Иркутской губ. за... [1897–1914 гг.]. – Иркутск, 1898–1915; Статистический обзор Енисейской губ. за... [1897–1914 гг.]. – Красноярск, 1899–1915; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.].

Интересно, что интенсивность матримониальных процессов на востоке Сибири в целом была слабее, чем на западе. Если Енисейская губ. еще выдерживала конкуренцию с соседней Томской (средний коэффициент брачности за 1897–1914 гг. здесь составлял тоже 8,6 ‰), то Иркутская губ. и Забайкалье сильно не дотягивали до Зауралья, имея средние коэффициенты, равные 8,3 и 7,2 ‰ соответственно.

Теперь сопоставим брачность *в городах и сельской местности* Сибири. В таблицу 3 мы включили данные по тем трем губерниям, о которых в ежегодных «Обзорах» сохранились наиболее полные сведения, начиная с 1902 и до 1914 г. – Тобольской, Енисейской и Иркутской. Показатели масштабов и интенсивности брачности в остальных субрегионах Сибири будут привлечены далее для сопоставления с табличными данными и выработки общих выводов по типам поселений в масштабах всей Сибири.

Таблица 3

Ежегодное количество браков, зарегистрированных в селениях и городах некоторых губерний Сибири (начало XX в.)*

Год	Тобольская губ.				Енисейская губ.				Иркутская губ.			
	Селения		города		селения		города		Селения		Города	
	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1902	13 631	9,0	452	5,2	4766	8,4	527	8,0	3925	8,0	640	10,6
1903	14 976	9,6	543	6,1	5846	9,4	585	7,8	3964	8,0	621	8,8
1904	15 458	9,8	401	4,5	4939	7,7	557	7,1	3718	7,5	741	9,2
1905	13 495	8,1	512	5,7	5009	7,8	548	7,0	3923	7,8	968	11,5
1906	18 806	11,2	809	7,9	6666	10,1	941	11,1	4832	9,5	1199	16,0
1907	17 796	10,9	797	7,0	6852	10,0	863	9,5	5300	10,3	969	15,4
1908	15 409	9,3	622	5,4	7267	10,4	852	8,1	4090	7,7	866	9,4

1909	6978	9,3	883	7,5	4257	7,9	1050	11,4
1910	17 157	9,5	753	5,8	7859	9,6	847	6,9	5606	10,2	1090	16,9
1911	15 175	8,1	783	5,7	7737	9,2	904	7,3	4912	8,5	983	15,2
1912	13 976	7,2	749	5,2	7978	8,9	782	6,1	3877	6,8	697	6,9
1913	18 804	9,6	871	6,1	7981	8,3	827	5,9	4215	7,3	932	6,7
1914	16 809	8,5	887	6,1	7365	7,5	795	5,3	4295	7,2	949	6,7

* Подсчитано по: Обзор Иркутской губ. за... [1897–1914 гг.]; Обзор Тобольской губ. за... [1897–1908, 1910–1914 гг.]; Статистический обзор Енисейской губ. за... [1897–1914 гг.]; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.].

Первое, что бросается в глаза при анализе таблицы 3 – количество свадеб в городах повсеместно было намного меньше, чем в селениях. Это естественно, ведь горожане составляли малую долю населения Сибири – в избранных нами границах региона – 10,7 %, по данным 1913 г. (Подсчитано по: Пронин, 1984, вклейка). Абсолютное количество браков в городах Тобольской и Иркутской губерний со временем росло заметно быстрее, чем в здешних селениях. В тобольских деревнях за 1902–1913 гг. количество браков увеличилось на 28 %, а в городах – на 48 %, в Прибайкалье соответствующие показатели равнялись 7 и 31 %. Выявленный факт можно связать с более быстрыми темпами роста численности населения городов (на востоке страны, как и на западе, начиналась урбанизация). Впрочем, сказанное относится к губерниям, сравнительно в малой степени охваченным аграрным переселенческим движением. В самых привлекательных для крестьян-переселенцев субрегионах ситуация выглядела по-иному. В Енисейской губ. (см. табл. 3) абсолютное число браков за 1902–1913 гг. в селениях выросло на 40 %, а в городах – только на 36 %. В Акмолинской обл. соответствующие числа для того же периода равнялись 54 и 46 %. В Томской губ. за те немногие годы, о которых мы имеем сведения (1909–1912), в

сельской местности число браков увеличилось на 8 %, в городах – на 13 %, но делать на основе этих цифр далеко идущие выводы рискованно.

Рассматривая в таблице 3 относительные показатели – общие коэффициенты брачности, мы прежде всего обнаруживаем, что в двух субрегионах Сибири их величины в селениях в целом гораздо больше, чем в городах. Средняя величина коэффициента за 1902–1914 гг. в деревнях Тобольской губ. составила 9,2 ‰ против 5,9 ‰ в городских поселениях. В Енисейской губ. соответствующие показатели составили 9,0 и 7,5 ‰. Можно добавить, что сходная ситуация обнаруживается в Забайкальской обл., где с 1902 по 1911 г. коэффициент брачности в селениях держался на среднем уровне 7,0 ‰, а в городах составил лишь 5,9 ‰. Однако в остальных субрегионах соотношение было прямо противоположным. В городах Иркутской губ. 1902–1914 гг. средний коэффициент достигал самого большого в Сибири показателя в 11,1 на 1000 человек населения, тогда как в сельской местности дотянулся только до 8,2 ‰. В Акмолинской обл. соответствующие показатели равнялись 9,2 и 7,7 ‰, в Томской губ. за небольшой период 1909–1912 гг. – 9,9 и 8,4 ‰. Выявленные здесь соотношения требуют объяснения, но мы пока не можем дать его в исчерпывающем виде – требуются дополнительные материалы и размышления.

Динамика ежегодных изменений в сельской местности всех губерний и областей повторяет выявленную нами динамику субрегионов в целом (см. табл. 1–2). Это естественно, поскольку сельчане, составляя подавляющее большинство населения Сибири, на рубеже XIX–XX столетий в решающей степени определяли демографические характеристики всего этого населения. При рассмотрении таблицы 3 можно увидеть и спад общего коэффициента брачности в 1904–1905 гг. (в селениях Тобольской губ. – только в 1905 г.), и

его резкий всплеск в 1906–1907 гг. (в деревнях Енисейской губ. он достиг пика уже в 1908 г.), и начавшееся снижение 1914 г. Интересно, что в городском населении почти все отмеченные здесь закономерности динамики брачности тоже имели место. В то же время обращают на себя внимание два специфических момента. Во-первых, в городах Тобольской и Иркутской губерний в 1914 г. интенсивность брачности не снизилась по сравнению с предыдущим годом – спад начался позже, чем в здешних деревнях, что, возможно, связано с первоочередным призывом запасных воинов из сельской местности. Во-вторых, в городах Иркутской губ. имел место не отмеченный в других субрегионах и гораздо слабее выраженный в селениях Прибайкалья еще один высокий подъем брачности в 1910–1911 гг. – до рекордной для всей Сибири отметки почти в 17 ‰. Причину его еще предстоит установить, но можно сделать осторожное предположение, что этот демографический пик как-то связан с началом нового промышленного подъема в стране, вызвавшего приток молодого населения в городские поселения, некоторое повышение уровня жизни горожан и т. п.

Рассмотрев интенсивность брачности в селениях и городах по годам, в ее субрегиональной специфике, постараемся теперь обрисовать самые общие закономерности и тенденции, проявляющиеся только при объединении данных в крупномасштабных территориальных границах (Западная и Восточная Сибирь, регион в целом) и во временных рамках периодов с 4–5-летней продолжительностью. Помещенные в таблице 4 сведения показывают, что на рубеже XIX–XX вв. общие коэффициенты брачности на западе Сибири были более высокими, чем на востоке. Это касается и всех выделенных нами периодов (1897–1901, 1902–1905, 1906–1909, 1910–1914 гг.), и суммарных показателей за время с 1897 по 1914 г. Особенно это преобладание характерно для сельской местности. Таким образом

сказывается более сбалансированная половозрастная структура населения Западной Сибири, в первую очередь сельского. Среди старожилов в брачном возрасте здесь не существовало присущего и деревням, и особенно городам Восточной Сибири заметного превышения количества мужчин над числом женщин – «брачный рынок» имел благоприятную структуру. Кроме того, именно в Западной Сибири оседал основной массив крестьян-переселенцев, брачность в котором была заведомо высокой в силу его относительно молодого и физически здорового состава, низкого уровня отходничества в его среде, крайней заинтересованности новоселов в увеличении путем браков и последующих деторождений количества «земельных душ» и работников в семейных домохозяйствах.

Таблица 4

Количество браков, зарегистрированных сибиряками в разные периоды на рубеже XIX–XX вв. (на 1000 чел. населения)*

Годы	Западная Сибирь			Восточная Сибирь			Сибирь в целом		
	селения	Города	всего	селения	города	всего	селения	города	всего
1897–1901	–	–	8,6	–	–	7,8	–	–	8,3
1902–1905	8,4	6,8	7,9	7,4	7,9	7,5	7,9	7,4	7,8
1906–1909	9,3	10,7	9,8	9,0	9,3	9,0	9,2	10,0	9,6
1910–1914	8,3	7,2	8,2	8,1	7,2	8,0	8,3	7,2	8,1

* Подсчитано по: Обзор Акмолинской обл. за... [1897–1904, 1906–1914 гг.]; Обзор Забайкальской обл. за... [1897–1908, 1910–1911 гг.]; Обзор Иркутской губ. за... [1897–1914 гг.]; Обзор Тобольской губ. за... [1897–1908, 1910–1914 гг.]; Обзор Томской губ. за... [1897–1912 гг.]; Статистический обзор Енисейской губ. за... [1897–1914 гг.]; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. Показатели за 4–5-летние периоды равны средней арифметической всех годовых показателей за данный период.

Если рассматривать интенсивность брачности в исторической динамике, от периода к периоду, то нужно констатировать отсутствие какой-то единой, явно выраженной тенденции. В итоговых столбцах таблицы 4 по Западной и Восточной Сибири, региону в целом наблюдается такая картина: коэффициенты брачности сокращаются в 1902–1905 гг. по сравнению с 1897–1901 гг., затем в 1906–1909 гг. сильно возрастают, чтобы в 1910–1914 гг. снова снизиться до показателей, близких к первоначальным. По городам и селениям таблица не включает показателей за 1897–1901 гг., а в последующее время динамика полностью соответствует общесибирской и субрегиональной.

Таким образом, результаты наших математических расчетов не подтверждают прозвучавшие в литературе выводы о том, что в условиях наметившейся в России конца XIX – начала XX в. модернизации демографических представлений и демографического поведения населения, начавшегося демографического перехода происходило последовательное снижение брачности сибиряков, в первую очередь горожан. На самом деле ситуация выглядела намного сложнее. Вероятно, *сокращение интенсивности брачности* как подспудная демографическая тенденция действительно имела место, однако ее безраздельному господству мешали некоторые экономические и политические причины. Конечно, в обстановке неурожайных лет (1900–1901, 1911), участия России в военных конфликтах (1900, 1904–1905, 1914 г. и далее), революционных потрясений (1905–1906, 1917 г.) указанная тенденция только подпитывалась, однако естественная для людей необходимость компенсировать брачную «паузу» после окончания войны (1906–1907 гг.), а в долгосрочном плане – обстоятельства массового вселения аграрных мигрантов в регионе (1906–1913 гг.), «окрестьянивания»

(руризации) городов на первой стадии урбанизации повышали масштабы и интенсивность брачности в Сибири. На начальном этапе демографического перехода мог способствовать временному повышению брачности также рост благосостояния некоторых категорий крестьянства и городского населения на востоке России.

Состав брачившихся по возрасту и семейному положению

В соответствии с задачами статьи, перейдем к характеристике возраста вступления в брак, распределения женихов и невест по их семейному (брачному) состоянию в городах и селениях Сибири. Соответствующие характеристики деревенского брака нашли отражение в ряде наших прежних работ [Зверев, 1985, с. 73–81; 1993, с. 76–81, и др.]. Ю. М. Гончаров (один и в соавторстве с В. А. Скубневским) изучал вопрос применительно к городской среде Западной Сибири [Гончаров, 1999, с. 127–128; 2002, с. 174–191; Скубневский, Гончаров, 2003, с. 112–118]. В данной статье *впервые* привлекаются для анализа обобщающие данные о возрасте вступления в брак и о семейном положении брачившихся горожан в Томской губ. 1870–1880 гг., Тобольской и Енисейской губерниях 1902–1903 гг., а также воспроизводятся ранее уже введенные нами в научный оборот соответствующие сведения о сельском населении – для сравнения с городскими реалиями.

Приняв во внимание возрастной статус сибирских женихов и невест (табл. 5), мы обнаруживаем, во-первых, что во всех губерниях, и в городах, и в деревнях женщины вступали в брак гораздо раньше, чем мужчины. От половины до двух третей женщин выходили замуж до достижения 21 года. Невесты младше 26 лет составляли уже 80–90 % всего брачившегося женского «контингента». У мужчин же повсеместно только 50–70 %

вступало в брак, не дожидаясь достижения 26 лет. При этом гораздо больший, чем в женской среде, удельный вес (свыше одной трети) имели браки не в самом молодом возрасте – до 21 года, а те, что были заключены по достижении 21–25 лет.

Таблица 5

Распределение мужчин и женщин, регистрировавших свой брак в губерниях Сибири в разные годы, по возрасту, % *

Возраст, полных лет	Томская губ., 1870– 1880**		Тобольская губ., 1902– 1903		Енисейская губ., 1902– 1903	
	Женщины	Мужчины	Женщины	мужчины	женщины	Мужчины
<i>В селениях</i>						
Менее 21	57,0	37,7	61,6	37,0	67,8	37,9
21–25	29,9	34,5	27,4	33,9	22,6	34,2
26–30	6,5	11,6	5,5	16,5	5,0	16,5
31–35	2,8	6,1	2,2	4,5	1,8	4,6
36–40	1,6	3,7	1,2	2,8	1,0	3,0
41–45	1,1	2,5	1,0	2,3	0,9	1,8
46–50	0,7	1,8	0,6	1,4	0,6	1,0
Более 50	0,4	2,1	0,5	1,6	0,3	1,0
<i>В городах</i>						
Менее 21	51,4	20,5	47,3	14,6	53,7	15,9
21–25	29,0	33,5	31,6	35,9	30,2	35,1
26–30	10,5	18,9	11,0	25,0	8,4	28,8
31–35	4,1	11,5	4,3	10,0	3,4	8,4
36–40	2,8	6,8	2,4	5,4	2,2	5,0
41–45	1,2	3,9	1,5	4,4	1,3	2,5
46–50	0,6	2,2	1,2	2,7	0,4	1,2
Более 50	0,4	2,7	0,7	2,0	0,4	3,1

* Показатели в таблицах 5–6 подсчитаны по: Ефимов А. И. Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. – СПб., 1890. – С. 42; Статистика Российской империи. – СПб., 1907. – Вып. 66. – С. 254–255; 1909. – Вып. 70. – С. 254–255.

** Учтены только браки православных (приверженцев РПЦ), составлявшие более 90 % всех браков в губернии.

Городские свадьбы имели свою возрастную специфику: и женщины, и особенно мужчины играли их обычно в более зрелом возрасте, чем свадьбы деревенские. У горожан-мужчин возраст 21–25 лет вышел даже на ведущее место, опередив по количеству брачившихся возраст до 21 года в 1,6 раз в Томской губ., в 2,2 раза – в Енисейской, в 2,5 раз – в Тобольской губ. В Притоболье и Енисейской губ. и последующая возрастная группа (26–30 лет) имела преимущество над самым молодым «контингентом» женихов. Более 30 лет жизненного опыта имели 20–27 % городских женихов (и менее 10 % невест).

Привлеченные нами статистические материалы не столь представительны, чтобы с их помощью можно было в деталях рассмотреть историческую динамику возраста вступления в брак в Сибири. Но все же обращает на себя внимание тот факт, что в 1870–1880 гг. (по данным Томской губ.) разрыв в возрасте между женихами и невестами в пользу первых был не столь велик, каким он стал в начале XX в. (по сведениям из Тобольской и Енисейской губ.). Среди всех новобрачных в 1870–1880 гг. в Томской губ. доля лиц в возрасте до 21 года у женихов была больше, чем у невест, в городах – в 2,5 раза, в селениях – в 1,5 раза. В 1902–1903 гг. в тобольской и енисейской городской среде разрыв составлял уже 3,2–3,4 раза, а в деревенской – 1,7–1,8 раза. Из этого можно сделать вывод, что со временем сибирские мужчины вступали в брак во все более зрелом возрасте, чем их свадебные партнерши.

Использованная нами статистика позволяет выделить из общей массы сибирских браков те из них, которые были заключены *православными людьми* – приверженцами официальной Русской православной церкви (РПЦ) и старообрядцами (табл. 6). Поскольку православные свадьбы составляли подавляющее большинство свадеб в Сибири, во всех выделенных нами для анализа губерниях распределение возраста тех новобрачных, которые были обвенчаны священниками Русской православной церкви, очень мало отличается от соответствующего распределения возраста всех брачившихся (независимо от их вероисповедания), рассмотренного нами выше.

Таблица 6

Распределение по возрасту православных сибиряков, заключавших свой брак в разные годы, %

Возраст, полных лет	Томская губ., 1870–1880, приверженцы РПЦ		Тобольская губ., 1902–1903				Енисейская губ., 1902–1903, приверженцы РПЦ	
	женщины	мужчины	РПЦ		Старообрядцы		Женщины	мужчины
			Женщины	мужчины	Женщины	Мужчины		
Менее 21	56,6	36,5	61,3	37,0	52,7	47,5	66,9	36,5
21–25	29,8	34,4	27,6	33,4	33,5	34,8	23,0	34,2
26–30	6,8	12,1	5,6	16,9	7,5	9,6	5,2	17,3
31–35	2,9	6,5	2,2	4,5	3,5	4,3	1,9	4,8
36–40	1,8	4,0	1,2	2,8	1,5	1,5	1,2	3,1
41–45	1,0	2,6	1,0	2,4	0,6	0,7	0,9	2,0
46–50	0,7	1,8	0,6	1,4	0,6	1,3	0,6	1,0
Более 50	0,4	2,1	0,5	1,6	0,1	0,3	0,3	1,1

Однако довольно необычными на общем фоне выглядят *браки старообрядческие*, выделенные нами по материалам Тобольской губ. За два года – 1902 и 1903 – статистические учреждения смогли учесть здесь 857 староверческих свадеб. Оказалось, что в среде старообрядцев возраст вступления в брак мало отличался у мужчин и женщин: юных невест (менее 21 года) было только на 10 % больше, чем их ровесников – женихов, а в возрасте до 26 лет разница составляла всего 5 %. Брачность мужчин была существенно сдвинута в сторону младших возрастов: у староверов «в молодых летах» (до 26 лет) вступало в брак 82,3 % женихов, в то время как у приверженцев РПЦ, по данным Томской, Тобольской и Енисейской губерний – только 70–71 %. В то же время невесты у староверов выглядели старше, чем обычно: в возрасте до 21 года вступало в брак меньше девушек, чем у православных-«никониан», а в более зрелом возрасте 21–25 лет – больше.

Официальная статистика позволяет нам также поставить вопрос об отличиях возраста вступления в брак у православных и мусульман Западной Сибири. В Тобольской губ. в 1902–1903 гг. было учтено 1329 «магометанских» браков – очевидно, в основном татарских и в меньшей степени казахских. При анализе этого массива обнаруживается, что в мусульманской среде возраст женщин, вышедших замуж, распределялся практически так же, как у православных женщин: до 21 года вступало в брак 64,3 % невест, до 25 лет – 85,1 %. Ранняя выдача замуж девушек – одна из устойчивых характеристик демографического поведения традиционного типа как в ортодоксальной христианской, так и в мусульманской среде.

Однако брачный возраст мужчин у православных в Сибири был существенно меньше, чем у приверженцев ислама. Юноши до 21 года составляли у тобольских мусульман только 16,9 % брачившихся мужчин, а основная масса женихов находилась в более солидном возрасте 21–25 лет

(42,4 %). Почти столько же мужчин – 40,7 % – вступило в брак уже в возрасте более 25 лет. Старше 30 лет были 22,0 % женихов, старше 40 лет – 8,7 %. Объяснения установленной здесь разнице распределения православных и мусульманских браков по возрасту женихов нужно искать, главным образом, в особенностях этнических и конфессиональных матримониальных норм у русских и татар. Например, по татарской традиции, жених должен выплатить семье невесты большой выкуп – калым (пока деньги на него копили, проходили годы), а у русских расходы семьи жениха на свадьбу были скромнее, собрать средства можно было достаточно быстро.

Интересные сведения имеются в наших источниках относительно *брачного положения* (в просторечии его часто именуют семейным положением) лиц, вступавших в брак в Сибири изучаемого периода. Рассмотрим вычисленные нами соотношения между количеством (абсолютным и относительным) холостых и вдовых мужчин, женившихся или на женщинах, не вступавших ранее в брак, – «девицах», по принятой раньше терминологии, – или на вдовах (табл. 7).

Таблица 7

Среднегодовое количество браков, заключенных в селениях и городах лицами, имевшими различное семейное положение (1902–1903 гг.)*

Семейное положение женихов	В селениях женились на				В городах женились на			
	девицах		вдовах		Девицах		вдовах	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
<i>Тобольская губ.</i>								
Холостые	11 821	96,8	395	3,2	377	93,1	28	6,9
Вдовые	1319	63,0	773	37,0	65	71,4	26	28,6
Итого:	13 140	91,8	1168	8,2	442	89,1	54	10,9
<i>Енисейская губ.</i>								

Холостые	4610	97,3	128	2,7	462	95,8	20	4,2
Вдовы	360	63,3	209	36,7	54	73,0	20	27,0
Итого:	4970	93,7	337	6,3	516	92,8	40	7,2

* Показатели в таблицах 7–8 подсчитаны по: Статистика Российской империи. – Вып. 66. – С. 254–255; Вып. 70. – С. 254–255.

Бросается в глаза тот факт, что подавляющее большинство мужчин и в селениях, и в городах, и в Тобольской, и в Енисейской губерниях начала XX в. женилось на девицах. Это закономерно, ибо молодые девушки, первый раз идущие к венцу, составляли львиную долю той части «женского полку», которая потенциально могла бы вступить в брак. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в Западной Сибири, например, из каждой 1000 женщин в возрасте 17–19 лет (самом востребованном на «брачном рынке») 723,5 составляли девицы, а вдовы – только 1,7 [Подсчитано по: Зверев, 1997, с. 57, табл. 4.3]. Имелись причины и для того, чтобы предпочесть девицу наличным вдовам: ее более молодой, чаще всего, возраст, необремененность детьми, нажитыми в первом браке, и т. д. Характерно, что вдовствующие женихи все же гораздо чаще, чем холостые, женились на вдовах. Можно утверждать, что здесь работала установка традиционного общества – выбирая брачного партнера, «клонить дерево по себе». Вдовцов и вдов связывали общность судьбы и соответствие возраста.

Сравнивая города и селения, мы замечаем важную закономерность: холостые горожане женились на вдовах вдвое чаще, чем сельские жители, первый раз вступающие в брак. В то же время горожане вдовы женились на вдовах значительно реже, чем потерявшие первую жену сельчане. Не претендуя на полное объяснение этого феномена, мы предполагаем, что речь идет об одном из проявлений модернизации брачных представлений и матримониального поведения в урбанизирующейся среде. Горожане

чувствовали себя меньше связанными безличными традициями, и все чаще выбирали себе спутников жизни в соответствии с индивидуальными симпатиями, а не по устаревшим дедовским канонам.

В среде православных жителей Сибири, судя по данным Тобольской и Енисейской губерний начала XX столетия (табл. 8), распределение браков по семейному положению женихов и невест было аналогичным тому, как выглядела ситуация во всем населении региона, вследствие численного и культурного доминирования русских и других восточных славян во всем населении. Холостые мужчины и среди приверженцев Русской православной церкви, и среди староверов одинаково охотно женились на девицах и редко брали в жены вдов. Вдовы представители обеих православных конфессий тоже женились чаще всего на девушках, но доля вдов в общем числе их избранниц была в 10–13 раз больше. У старообрядцев-вдовцов, собирающихся еще раз жениться, была одна особенность: на вдовах они женились все же немного реже, чем приверженцы РПЦ.

Таблица 8

Распределение браков, заключенных православными, по семейному положению женихов и невест (1902–1903 гг.), %

Семейное положение женихов	В Тобольской губ. женились				В Енисейской губ. женились приверженцы РПЦ на	
	Приверженцы РПЦ на		Старообрядцы на		девицах	вдовах
	девицах	вдовах	девицах	вдовах		
Холостые	97,1	2,9	97,2	2,8	97,2	2,8
Вдовы	64,9	35,1	69,7	30,3	64,2	35,8
Итого:	92,5	7,5	94,7	5,3	93,6	6,4

Некоторые особенности создания семьи у православных и в данном случае раскрываются в ходе сравнения с брачностью мусульман. Подсчеты по массиву 1329 «магометанских» свадеб Тобольской губ. 1902–1903 гг. показывают: холостые мужчины-мусульмане гораздо чаще женились на вдовах, чем православные холостяки – в 15,2 % случаев. А вдовы приверженцы ислама «клонили дерево по себе» в абсолютном большинстве случаев: 53,9 % вдовствующих женихов вступали в брак со вдовами. Значит, пренебрежение вдовами как потенциальными брачными партнерами со стороны мужчин, а также, может быть, нежелание части вдов вступать в повторный брак – феномен, присущий именно православным бракам, и он требует дополнительного изучения и объяснения, в том числе с учетом религиозных установлений РПЦ и старообрядческих матримониальных воззрений.

Подводя общие итоги рассмотрения некоторых важных количественных характеристик брачности населения Сибири второй половины XIX – начала XX в., можно констатировать следующее. Привлечение в качестве историко-этнографического и историко-демографического источника вторичных, обобщенных статистических данных вовсе не утратило своего значения на современном этапе развития науки. Такие источники позволяют, в частности, очертить абсолютные и относительные масштабы, интенсивность и структуру брачности в масштабах всей Сибири, проследить ее специфику в субрегиональном, поселенческом и конфессиональном разрезах. Они дали нам возможность рассмотреть интенсивность брачности в исторической динамике на протяжении достаточно длительного времени.

Выявленные параметры брачности сибиряков характеризуют ее как преимущественно традиционную, в целом соответствующую стандартам аграрного общества (высокие общие коэффициенты брачности, раннее

вступление в брак, пренебрежение вдовами как брачными партнершами и др.). В то же время обнаруживаются некоторые признаки модернизации матримониального поведения, главным образом в городах: брачная активность смещается к старшим возрастам, ослабляется гомогенность браков (невесты и женихи все чаще имеют разное семейное состояние) и т. д. Высчитанные нами диахронические ряды показателей показывают, что уже на начальном этапе демографического перехода в Сибири (как и во всей стране) тенденция к эволюционному снижению уровня брачности затушевывалась резкими «обвалами» и высокими подъемами, обусловленными экстраординарными политическими, экономическими и демографическими факторами.

Охарактеризованные в данной статье реалии матримониальной сферы нашего регионального сообщества сложились и развивались главным образом в православной среде восточных славян (преимущественно русских), составлявших абсолютное большинство населения Сибири. Эти реалии имели свои особенности в среде приверженцев официальной Русской православной церкви и старообрядцев, они существенно отличались от многих брачных характеристик в иноконфессиональной (в частности, мусульманской) среде. Очерченная в нашей статье в обобщенных, преимущественно количественных, контурах брачность сибиряков, как православных русских, так и представляющих иноэтническую среду, нуждается в дальнейшем внимательном изучении и объяснении с привлечением источников самого разного типа, вида и происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Герасимова Л. Б. Семья и семейно-родовые кланы русских Омского Прииртышья // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.): Ист.-этногр. очерки. – Омск: ООО «Издатель-полиграфист», 2002. – С. 52–66.

Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.

Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1999.

Ефимов А. И. Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. – СПб., 1890.

Зверев В. А. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. – С. 76–81.

Зверев В. А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1993.

Зверев В. А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы регион. истории и ист. образования. – Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 1999. – С. 130–153.

Зверев В. А. Семейная и брачная структура: Конец XIX – начало XX в. // Население Западной Сибири в XX в. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1997. – С. 55–57.

Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1996.

Миненко Н. А., Рабцевич В. В. Право и обычай в крестьянской семье: (Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв.). – Челябинск: Челяб. ун-т, 1998.

Никишина Н. В. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Алт. ун-т. – Барнаул, 2004.

Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1984. – С. 88–102.

Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2000.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Ч. 1: Население. Экономика.

Явнова Л. А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Бийский пед. ун-т. – Новосибирск, 2002.